

ИУДА

МНЕ ЗАПЛАТИЛИ,
ЧТОБЫ Я ЕЁ СОБЛАЗНИЛ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ ЮЛЬЯНА СОБОЛЕВА 18+

Ульяна Соболева

Иуда

«Автор»

2026

Соболева У.

Иуда / У. Соболева — «Автор», 2026

Мне заплатили, чтобы я ее соблазнил. Милую, чистую, богатую девочку из хорошей семьи. Мне заплатили, чтобы я слился тогда, когда моя работа будет окончена. Но я не знал, что мое сердце разорвется на куски, когда я это сделаю.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ульяна Соболева

Иуда

ИУДА

(Девственница для жиголо)

Ульяна Соболева

ОДНОТОМНИК

Аннотация

Мне заплатили, чтобы я ее соблазнил. Милую, чистую, богатую девочку из хорошей семьи. Мне заплатили, чтобы я слился тогда, когда моя работа будет окончена... Но я не знал, что мое сердце разорвется на куски, когда я это сделаю.

Много мата

Много откровенного секса

Отмороженный и беспринципный главный герой

Много боли, драмы, страданий

Единороги иногда бегают, но в целом они дохлые.

ХЭ

Альтернативная современность

ОДНОТОМНИК (без изменений)

Глава 1

Приехал автобус, и я поднялась на ступеньку, села рядом с пожилой женщиной, посмотрела в окно, прижалась к нему лицом, всматриваясь расширенными глазами в темную фигуру молодого парня на остановке. Он догнал меня. Подонок. И вдруг сзади раздались недовольные вскрики я обернулась и сердце забарабанило прямо в горле с такой силой, что кажется сейчас с ума сойду. Демьян влез в автобус, растолкал людей и уселся неподалеку. Лицом ко мне. Развалился так, что никто рядом не то, что сесть, а даже стать не мог. Все его сторонятся, обходят десятой дорогой. Так всегда было. В этом парне какая-то мрачная, скрытая энергетика, которая пугает. От одного взгляда исподлобья мурашки бегут по всему телу и становится неуютно. Жует жвачку, громко чавкая, в одном ухе наушник. Челка пол лица закрыла. Черная косуха, обтягивающие джинсы с дырками на коленях. На меня смотрит, не моргая, прожигая во мне дыру. Мерзко смотрит, с презрением.

(с) Ульяна Соболева. Подонок

– Здесь аванс.

Маман подтолкнула ко мне конверт и облизала губы своим острым и похотливым язычком. Я помнил, как искусно он умеет выплясывать на мужских яйцах. Не церемонясь и не скромничая, открыл конверт и посмотрел на сумму, прописанную в чеке. Реакция была спокойной. Хотя если сказать, что я охерел, то это ничего не сказать. Вот это подгон, спасибо, друг. Таких денег мне еще не платили никогда. Можно подумать, я должен трахнуть жену президента.

– Я еще не услышал условия и не узнал кто!

Моя работодатель усмехнулась.

– Узнаешь, охренеешь еще больше. Слышал о Геннадии Арсеньевиче Свободине?

Я присвистнул и откинулся на спинку стула. Конечно, слышал. Кто ж не слышал о мэре города. Ну что почти президент.

– Жену?

Спросил, вздернув бровь. Меня б не удивило, даже если бы бабушку. Меня вообще довольно трудно чем-то удивить.

– Дочь. Вот здесь вся информация. Не спросишь, почему так много?

– Не спрошу, потому что знаю, что за эти деньги ты спустишь с меня три шкуры... Так я должен ее вые*ать или убить? Судя по сумме, то второе!

– Ты должен виртуозно сыграть свою роль, малыш. Я ведь не просто так когда-то подобрала тебя на вокзале. Я знала, что рано или поздно ты станешь чем-то большим, чем просто проституткой мужского пола.

Сука. Кольнула. Проглотил. Потому что права. Я проститутка. Дорогая, ВИП, ох*енно сложенная, с красивой рожей, большим членом, оснащенным шариками, загнанными под кожу, обслуживающая только самых именитых и крутых клиентов с огромной кучей бабла. Холеная, идеальная, сверхспособная живая секс-игрушка. Чей день расписан с утра и до вечера.

Час со мной стоит столько, сколько вы не зарабатываете за год. Только женщины, никаких п*дорасов. Это было мое единственное условие для Маман Марго, когда она мне предложила работать у нее. А так у меня встанет на уродку, на толстуху, на анорексичку, на любую самку с дыркой между ног, и я оттрахаю ее так, что она запомнит на всю жизнь, что значит побывать в объятиях Иуды и увидеть небо в алмазах иногда и по пять раз за ночь.

– Какую роль?

– Вкратце. Есть одна девочка...Ей девятнадцать. Ее семья хочет, чтобы девочка отвлеклась от мрачных мыслей о суициде и попробовала встречаться с хорошим мальчиком. Сексуальным, красивым, чтоб она клюнула и начала дышать полной грудью.

– Идиотская затея, но это не мое дело. Девственница?

– Да.

– Твою мать. Ты же знаешь, что я не перевариваю целок.

– А кто сказал, что будет легко?

– Сколько раз?

– Надолго. Так что пока отойдешь от другой работы и займешься только ею. Это так... даже не аванс, – она показала пальчиком на конверт, – а чтобы стало интересно. Оплата каждый день на карту. На флешке задание подробно, фотографии, видео, ссылки на соцсети. Ознакомься, отработай материал и подумай, как лучше начать.

– То есть потом, когда я сольюсь, она не прыгнет с крыши небоскрёба и не полоснет себя по венам?

– Твоя работа – не задавать вопросы, а выполнять пожелания клиента.

– Окей. Понял. Если не клюнет, бабло не возвращаю?

– Да. Правила не изменились...Но если не клюнет, то и ты мне нахер не сдался. Так что постарайся, чтоб клюнула.

Марго постучала по столу своими кроваво-красными ноготками и склонила голову набок.

– Каждый раз, когда смотрю на тебя, вспоминаю, каким очаровательным мальчиком-херувимчиком ты был, когда мы встретились, и в какого шикарного жеребца превратился. Сколько тебе было тогда?

– Четырнадцать.

Она затянулась новомодным девайсом и выпустила струйку дыма в воздух. Иллюзия, как будто вы не курите... а всего лишь пыхаете дымом. Такая же примерно, как считать кокс невинным порошком для тинейджеров, типа шампанского.

– Милый малыш с серыми глазами, как на иконах. Ты не был девственником. Но выглядел, как ангелочек.

– Прости, что разочаровал. Когда приступать?

– Сегодня. Я бы сказала, вчера. На изучение материала пару часов хватит. Легенду придумаешь еще быстрее. Ты мальчик способный. Если будут проблемы – наберешь, все порешаем. Ты ж знаешь.

О да, я знал. Марго могла решить что угодно. Даже если тебя завтра должна посадить за убийство, но ты нужен Маман, то ты через час будешь на свободе.

– Как быстро я должен ее трахнуть?

– Чем быстрее, тем лучше. Если получится, то в первый же вечер. Определишься на месте. Твое задание – отвлечь девочку.

– Отвлеку. Сроки?

– Пока что их нет. Сольешься, когда тебе скажут.

Кивнул, взял конверт, сунул в карман и, набросив капюшон, вышел из комнаты Маман, спустился по крутой лестнице вниз, минуя барную стойку и первый этаж элитного ночного клуба «XL». Сейчас здесь еще пусто, на подиуме сверкает тусклый свет, поблескивают шесты, отливают перламутром зеркала. В углу за столиком сидит Джек Воробей – управляющий всем этим дерьмом и поверенный во всех делах Марго. Мы не то, чтобы дружим, но неплохо ладим.

– Привет! – махнул мне рукой, поправил длинный чуб, – Королева не в духе?

– В духе!

– Ты как?

– Ох*енно, но никто не завидует.

– Врешь...завидуют так, что яйца сохнут. Новая клиентка?

Кивнул, наклонился сделал глоток виски из его бокала и поставил на столик. По венам пробежал огонек.

– Слыхал, тебе отпуск дали. Значит крутое дельце получил, м?

– Крутое.

Ответил и вышел из здания. Втянул воздух полной грудью. Осень, б*ядь. Не знаю, люблю ее или ненавижу. Иногда бесит до трясучки, иногда прет своей мрачностью. Моросил мерзкий дождь. Еще не темно, но из-за нависших, рваных туч кажется, что уже поздний вечер. Небо словно навалилось на землю и рыдает, как дешевая сука над бухим клиентом, который не заплатил за минет.

Запрыгнул на байк, взревел мотор, ветер бросился в лицо вместе с дождем. Значит сегодня мне предстоит подцепить дочку самого Свободина. По крайней мере это могло бы быть забавным...когда-то именно Свободин лишил меня дома.

Глава 2

– А я вас теперь каждый день с работы домой провожаю. Вы просто не видели.

И впервые за все это время я посмотрела ему в глаза. Зачем не знаю. Я пожалела об этом в ту же секунду, в то же мгновение, потому что меня как током ударило и внутри что-то всколыхнулось, как смерч под ребрами завертелся и от него пепел в разные стороны. Словно это я там сгораю за какие-то доли мгновений. Безумно-красивые глаза у него, дикие, цвета насыщенного сине-серого, цвета ненастного неба во время грозы или за секунду перед вспышкой молнии, брови густые и широкие и оттого взгляд всегда как исподлобья. Смотрит вызывающе, нагло, с мужским блеском в зрачках...о, боже, я просто запуталась. Не может он так смотреть на меня. Не может и все. Мне кажется. Просто он зарвавшийся подонки, у которого нет никаких границ. Унизить взглядом своим тоже хочет. Судорожно сглотнула. Врет. Не провожал. Я б увидела. Ничего не пойму – зачем он все это говорит? Пытается мне угодить, умаслить меня? Я вообще себя рядом с ним голой чувствую и униженно растерянной. Мне не нравилась эта потеря контроля. Ужасно хотелось бежать притом неизвестно куда. Мысленно я словно металась по клетке и не знала где из нее выход.

(с) Ульяна Соболева. Бумажные крылья

Отработать материал. Именно этим я и занимался, потягивая мохито из бокала и закидывая в рот маслины. Мне нравилось это сочетание. Пару лет назад я бы закурил, но сейчас вел здоровый образ жизни. Максимум, алкоголь. Никакого бухла и дури. Дурь вообще относится к разряду полного табу. Нариков не переносил на дух. Чувал их за версту, видел по уплывающему взгляду, слышал по голосу. Как полицейская псина, я был на них прям натаскан. Марго часто спрашивала не торчок ли тот или другой из ее новых мальчиков-кукол. Я обычно не ошибался.

Сука, наркота – это смерть. Это нечто, что превратит вас в живой труп с разложившимися мозгами. Наркота – это могила, где ты сам себя медленно закапываешь и вместе с собой всех тех, кто тебя любит. Да, б*ядь, достаточно, что и себя самого, потому что если себя не любишь, то это полный п*здец.

Я точно знаю. Стопроцентно. Потому что сам себя никогда не любил...Да и за что любить шлюху мужского рода.

Проскролил экран и остановился, чтобы рассмотреть свою «жертву» снова. Я вот уже целый час не пойму в чем, мать его, подвох? Потому что ожидал уродливую тинейджершу, ожидал жирную, тощую, прыщавую, затюканную. Ни хера...Потому что, когда самую первую фотку увидел, ох*ел от неожиданности. Не поверил, пошел рассматривать дальше. Отправил чуваку одному, чтоб пробил на предмет фильтров или фотошопа, но тот сказал, что все чисто и фотки настоящие. Тогда я на хер ни черта не пойму, потому что передо мной ох*енно прекраснейшее существо из всех, что я когда-либо видел в своей жизни.

Свободина нежнейшее, воздушное создание с ангельским лицом, кукольными голубыми глазами, пухлым ртом и вздернутым курносый носиком. Золотистые волосы закрученными, тоже кукольными локонами падают ей на плечи, кожа отливает перламутром. Б*я, да она как с картинки. Фигура просто выточенная, ноги от ушей. Смотрю и ни хрена понять не могу.

Ее должны были оприходовать лет в четырнадцать еще. Такие в целках долго не ходят. От них же мужики торчат с самой юности. Ни грамма косметики, а красота такая, что дух

захватывает даже у меня. А я видел перевидал. И что не так? Зачем девочке покупают игрушку? Она сама не может найти себе типА?

Хотя на странице всего три фото. Подписчиков нет почти. В ленте мелькают стихи, изображение дождя и мрачных уголков природы. Никаких рецептов, лайфхаков и другой х*еты.

Пролистал характеристику, почитал, чем дышит. Учится в универе на психолога на втором курсе (типа сапожник без сапог, разве мне не сказали, что она жить задолбалась), водит довольно скромную тачку, занимается каким-то волонтерством и благотворительностью. Ничего интересного. Не вяжется с ее внешностью. А где фотки с клубов, вечеринок, баров и курортов. Где жопа наполовину в воде и повернутая физиономия так, что зад занимает пол экрана, где вывалившиеся из декольте сиськи без лифчика так, чтоб соски торчали под материей и не оставляли простора для воображения.

Эта точно в лифчике, сверху какой-то гольф под горло, юбка до щиколоток, на шее тоненькая цепочка с крестиком. Грудь у нее небольшая, округлая. Снова посмотрел на лицо, на нежные губы. Вставило. Почему-то подумал о том, что лизать эти губы будет вкусно, как и задирать ее кофточку вверх на горло, освобождая маленькие груди.

Мне нравится то, что я вижу. Кажется, будет более чем интересно. Понять бы еще в чем подвох. А он точно есть. Большой и жирный фак, из-за которого этой малышке покупают дилдо на двух ножках и хотят, чтобы оно разыграло для нее красивый спектакль.

Диана Свободина...посмотрим, что там за волонтерство.

Ааа, девочка собирает группы запутавшихся, от чего-либо зависимых придурков и якобы помогает им адаптироваться к жизни. А вот и вторая страничка с биографией.

Два раза в неделю группа психологической помощи тем, кто спрыгнул с наркоты. Б*ядь, ну наркомана то я точно не потяну. Хотя это единственное место, где я мог бы с ней встретиться без подозрений.

Набираю Марго.

– Найди для меня инфу о торчках, о синдроме отмены и тому подобную херню. Почитать надо, и еще – уже завтра я должен быть студентом третьекурсником в ее универе.

Я не спрашивал, как она это сделает, да и меня мало волновало. Хочет результат – должна попотеть.

– Будешь уже сегодня. Отчитаешься даже ночью, что там у тебя.

Какое рвение! Создается впечатление, что Маман это нужно лично. Что-то она там задолжала мэру, или он хочет прикрыть ее милое заведение, с которым мы симбиозировали и являлись неотъемлемой частью ночного клуба, куда принимали мальчиков только с размером XL и тюнингвали их по полной программе до идеального состояния.

А теперь в душ и никакого лоска как обычно. На голое тело свитшот, теплый кардиган с капюшоном и джинсы с дырками на коленях, серьгу в ухо. Хер его знает, похож ли я на бывшего нарика. Но легенду я уже себе состряпал, и она казалась мне довольно сносной. Хорошие, маленькие девочки любят плохих больших мальчиков.

Будем знакомиться, Диана Свободина. И если получится, то уже сегодня ты будешь стонать подо мной, и твой маленький крестик будет прыгать между твоих сисек, пока я буду долбиться в твоё тело. Представил и ощутил, как налились яйца и зашевелился член.

Помещение полуподвальное в здании универа, рядом со спортзалом. Я бросаю байк, накидываю капюшон на голову, потому что опять моросит дождь, и ныряю в утопающие в полумраке ступени. Толкаю дверь, и за ней свет бьет по глазам. Мрачный коридор и зеленая дверь в самом конце.

Они уже начали. Я опоздал нарочно, потому что так она обратит на меня внимание, и я не сольюсь с толпой.

Нервничаю ли я? Ни хрена. Я привык к совершенно разным телкам. Меня ничем не смутить, не выбить из колеи. Я знаю, как я выгляжу, я умею произвести впечатление на любую.

Я знаю, КАК произвести это самое впечатление. А еще...наверное, самое главное – женщины для меня были всегда рабочим инструментом, и относился я к ним соответствующе. То есть знал, где нажать, где погладить, куда вставить, но никогда и ничего не испытывал кроме естественной разрядки.

Хотел ли я их? Скорее, я просто был не прочь потрахаться. Спустить. Как кто-то спускает от дочки. Я спускал в их рты, на их груди, в их анусы и влагалища, в их руки. Да куда угодно, куда они хотели и за что готовы были заплатить. Было ли мне хорошо? Когда оргазм часть твоей работы, то ощущения примерно такие же, как и на любой другой. Оргазм – это просто ее завершение. Вознаграждение вместе с денежным за собственные труды.

Для роли пришлось купить сигареты и затянуться парочкой затяжек, чтоб от меня был характерный запах табака. Закашлялся, хотя было приятно. Бросал ради здоровья, но процесс меня вставлял. Особенно толстые сигары, кубинские, дорогие, отдающие запахом хорошей жизни.

Толкнул дверь, вошел в отлично освещенное огромное помещение.

– Всем привет. Я Димон, и я опоздал.

Кажется, так начинают свою речь анонимные алкоголики и вообще на всех вот таких посиделках. Ее я увидел сразу. И...завис именно на то мгновение, как она подняла голову от листа бумаги и перевела взгляд на меня. Замедленно. Как будто киноплёнка затормозилась, и каждый кадр отбивается внутри. Раз...два...три. Б*ядь...Неожиданно. В груди толчок, внизу живота спазм. Незнакомо. Засунул ощущение подальше. Потом разберусь.

Она действительно запредельно красивая.

Золотистые локоны падают на щеки, глаза блестят. В реале ее лицо в тысячу раз привлекательнее, чем в соцсетях, и я теперь точно знаю – фильтров не было. Эти идеальные, кукольные черты, эти глубокие голубые глаза, длинные ресницы, эта невесомая ангельская внешность. Она ввела меня в ступор. Цепкий глаз тут же выхватил стройное тело, обтянутое бежевым свитером. Тонкая шерсть облегает округлые плечи, высокую грудь, тонкую талию. Ноги скрывает длинная юбка в пол, но мне видно носки изящных белых ботиночек. Минимум украшений, полное отсутствие косметики. Дорогие, но невычурные вещи. Я представлял ее себе по-другому...Принцесска удивила. Меня вообще трудно удивить.

– Добрый вечер, Димон. Ты можешь присоединиться к нам. Вон там свободное место.

У нее нежный голос, и когда она показывает шариковой ручкой на кресло, мой член шевелится в штанах, потому что это выходит ох*енно сексуально. Потому что только что кончик этой ручки был у нее во рту. Я успел это заметить.

Толпа разношерстная. Все они бывшие торчки или нынешние, и мне среди них неуютно, потому что я всегда считал их гребаными зомбаками. Те, кто сидят на креслах, на зомбаков не похожи. Ну по крайней мере не все.

– Ты с нами первый раз. И мы по традиции дадим новичку слово. Ты расскажешь нам о себе?

Вот этого, б*ядь, мне как раз и не хватало. На обдумывание детального прошлого времени было в обрез.

– Можно я пока послушаю остальных? – спросил и посмотрел из-под капюшона на девчонку. Черт. У нее слишком красивое и какое-то правильное лицо. Это сбивает с толку, это почему-то заставляет себя почувствовать кретином. А еще...я отмечаю про себя, что она пока не клюнула. Это немного раздражает.

– Можно. Здесь никого и ни к чему не принуждают. Расскажешь, когда будешь готов. А пока познакомимся. Я – Диана. Я ваш психолог и провожу с вами встречи, чтобы помочь адаптироваться в университете, так как это главное условие продолжения вашей учебы здесь.

– Все ясно. Принудительно-добровольные начала. Типа мы вас не заставляем, но если вы хотите учиться, то доктор Диана должна написать вам хорошую характеристику и сказать всем, что вы здоровы?

Для нее это было неожиданно, и она выпрямилась на стуле. Глаза широко распахнулись. Вот теперь цепануло. Вот теперь стало интереснее, потому что я ее задел.

– Я не доктор, и никаких заключений вам давать не буду. Я лишь отмечаю, когда вы приходите, а еще пытаюсь помочь. Не более. На самом деле помощь утопающим дело рук самих утопающих.

В ее голосе нет заносчивости, злости, сарказма и какого-то скрытого желания меня задвинуть. Она говорит максимально откровенно. Это сбивает с толку. Впервые. Отмечаю, что у нее приятная мимика, и когда она говорит, то плавно двигает кистью руки. Это не раздражает, хотя обычно жестикулирующие собеседники меня кумарят. Мисс Невозмутимость переводит взгляд с меня на бумажку. Что ж, первый шаг сделан, и меня заметили и точно запомнили.

– Саша, я хотела, чтобы ты рассказал нам всем, как прошли твои дни с нашей последней встречи. Воспользовался ли ты предложенными мной вариантами.

– А можно узнать, какие варианты?

Снова вмешался я, в стремлении выбить ее из равновесия. Кто-то из нариков возмутился.

– Эй, чувак, ты мешаешь нам. Если тебе что-то не нравится, дверь вон там.

– Эй, чувак, я имею полное право знать, что нам тут предлагают. Поэтому задвинься.

Повернулся к ней и склонил голову набок. О, даааа. Вот оно, выражение раздражения. Она наконец-то возмущена, и краска прилила к бледным щекам, от чего девчонка кажется еще красивее. Сукааааа, понять не могу, неужели ее действительно еще никто не трахал? Один этот румянец заставляет захотеть заставить ее покраснеть еще больше.

– Так, что там за варианты?

– У нас были индивидуальные встречи с Александром.

– О как интересно. А такие встречи можно как-то заслужить?

– Можно получить рекомендации от штатного психолога, и она даст мне списки тех, с кем нужно провести индивидуальные встречи.

Александр – низкорослый, коренастый парень с насупленными бровями и потерянным взглядом. Он что-то невнятно рассказывает, смотрит то в пол, то на свои руки. А я смотрю на нее... Внимательно слушает, снова что-то записывает в свой листик и... грызет кончик ручки. Мать ее, это нереально сексуально выглядит. То, как ее розовые губы смыкаются на кончике ручки, и она ведет им по нижней губе, чуть оттягивая ее и обнажая ряд белоснежных зубов.

Резко переводит взгляд на меня. И я продолжаю смотреть. Так, чтоб она видела этот мой взгляд. Чуть снизу, направленный прямо на нее, медленно сползающий к ее груди и снова поднимающийся к лицу, застывающий на ее губах. Она замечает, как я смотрю на шариковую ручку, и тут же вытаскивает ее изо рта. Поправляет волосы. Заправляет за ухо. Оно у нее крошечное с сережкой гвоздиком в розовой мочке. Хочется нырнуть в дырочку языком. Когда я скажу ей что-то пошлое, она непременно покраснеет. Я в этом уверен.

С трудом выжидаю, как оканчивается этот час, выслушиваю нудные истории нескольких зомбаков. Они начинают рассасываться, пока она что-то пишет, гремят своими креслами, достают гаджеты. Я не тороплюсь, потому что мое время только начинается, и крошку ждет невероятный сюрприз, когда она выйдет отсюда. Не свожу с нее взгляда, пока она складывает свои тетрадки в рюкзак, заправляет снова пряди за уши. Встает в полный рост. Она невысокая, у нее очень тонкая талия и она вся хрупкая, нежная и в тот же момент дико сексуальная.

– Ты хотел что-то спросить?

Закидывает рюкзак на плечо.

– Нет. Просто не люблю ломиться первым.

Ее что-то смущает, она не решается идти, и я тоже стою, потому что хочу выйти с ней вместе. У меня есть интересный план. Точнее, их даже два, а то и все три. Потому что, если она не клюнет, Маман оторвет мне яйца.

– Тогда можешь выйти за мной. Последним.

Говорит она, спускается со ступеньки и...направляется к двери. И именно сейчас я понимаю, в чем фак. Вот он...Явный, бросающийся в глаза, вопящий жирный фак. Потому что Диана Свободина – хромоножка.

Глава 3

Да, она ему нравится. Зверски нравится, до дрожи во всем теле, до боли в груди, до едких ожогов в животе. И ему хочется за это выдрать себе глаза, отрезать пальцы. Пальцы, которыми хотел бы тронуть хотя бы ее волосы. Вот эту пушистую прядь у виска. Убрать за ухо. Он так и сделал. Убрал.

(с) Ульяна Соболева. Подонок

За ней следом. Отходить от шока и обдумывать потом. Да и по хер. На самом деле. За ней в лифт, придержать двери ногой, вставив тяжелый ботинок в просвет.

– Не боишься?

Спросил, ввалившись в тесную кабинку. Попутно набирая сообщение одному хрену, который сейчас вырубит электричество во всем универе.

– А надо?

И снова подняла на меня свои обалденно охеренные глаза с ресницами длиной с вечность. Как у нее это получается? Приподнять веки и посмотреть так, что внизу живота все скручивает спазмом и сердце дергается за грудиной. Она ниже меня на полторы головы. И кажется маленькой, и меня это почему-то прет. Дергается кабина лифта, гаснет свет. Темнота на несколько мгновений, пока не зажигается аварийное освещение. Довольно тусклое.

– Кажется, надо. Но не меня, а того, что мы тут застряли в девять часов вечера, и хрен его знает, достанут ли нас отсюда.

Она протягивает руку и жмет на аварийную кнопку.

– Похоже, отключилось электричество, – говорит довольно тихо. – Если это на районе, то скоро исправят.

– А если только в универе, заночуем сегодня здесь.

Она слишком близко ко мне, и я не пойму, почему меня сыпет всего мурашками. Мне нравится ее запах. Я вообще зависим от запахов. У меня просто зашкаливающее звериное обоняние. Я улавливаю малейшие оттенки ароматов и воней и всегда от этого страдаю. Могу блевануть, если смрад слишком отвратителен. А от нее как будто бризом, свежестью запредельной с легкой примесью сирени и ландышей. И меня от этого запаха рубит. Охренеть. Сам от себя в шоке.

– Нам кто-то поможет.

Выдыхает она и роется в своей сумочке в поисках телефона.

– Божееее! Я забыла свой сотовый в зале! С ума сойтииии!

Оооо, кажется, на моей стороне само провидение. Как очаровательно она нервничает.

– У тебя есть сотовый?

– У меня сдохла зарядка..., – вру я ей и незаметно жму на кнопку выключения сотового.

– Черт! И что теперь делать? – в отчаянии выдыхает.

– Ничего. Ждать, когда включат электричество.

Спокойно отвечаю я и продолжаю смотреть на нее.

Она молчит. Я молчу вместе с ней. Даю привыкнуть к себе. Чтоб, и правда, не боялась. Зачем мне страх? Силой я никого брать не собираюсь, мне это и на хер не надо. Она не боится, но очень заметно нервничает, опять роется в сумочке. В отчаянии вешает ее на плечо.

– Не устала стоять?

– Нет! – раздраженно и очень резко, наверное, чтоб не смел намекать на ее недостаток.

– Скоро мы отсюда выйдем. Кто-то заметит, что в универе нет света, и позвонит куда надо.

Конечно, позвонит. Я отправлю смску, и все «выбитые пробки» вернут на место. Но до этого мы с тобой познакомимся поближе, крошка.

В лифте становится прохладно. На мне теплый карди с капюшоном и с подкладкой и свитшот. Мне не холодно. А вот на ней тоненький гольф под горло. Наверняка, куртка или что она там носит остались в машине. Да, она на машине, и я даже знаю на какой. Ничего, малышка, скоро ты начнешь мерзнуть. Точнее, ты уже мерзнешь.

– Тебе не холодно?

Спрашиваю и делаю шаг к ней. Пятится невольно назад и прижимается спиной к зеркальной стене.

– Нет... – отвечает и старается держаться подальше, но я ей не даю и придвигаюсь еще ближе. Теперь ее ох*енный запах забивается в ноздри еще сильнее.

– Мне не холодно! – говорит уже взволнованно и смотрит на меня слегка расширенными глазами. Кажется, девочка начинает меня бояться. А это неправильная эмоция.

– Лгать некрасиво... Диана.

Мне нравится ее имя. Оно ей подходит.

– Если держаться ближе к друг другу, можно легко согреться.

Я нависаю над ней, упираясь обеими руками в стену, и вижу, как она судорожно глотает слюну. Выдыхает очень горячо, и там, где ее выдох дотрагивается до моей кожи, становится горячо, как после ожога. Б*ядь. Что за идиотская реакция. Никогда таких не было. Что в ней изначально шибануло меня по мозгам?

– Мне не холодно... ты бы не мог отодвинуться от меня подальше?

Лифт почему-то дернулся, я невольно подхватил ее под талию, а она уперлась руками мне в грудь и тут же убрала руки, словно прикосновение ко мне ее дико испугало.

– Отпусти! – требовательно и даже в какой-то панике.

– Не бойся, я тебя не собираюсь насиловать!

– Я уже сказала, что я тебя не боюсь.

Бойтся. Еще как бойтся. Вот почему мне никогда не нравились целки. Вот это их ошмещение, ужас. Но... б*ядь. Почему-то сейчас меня эта мысль не разозлила, а... что ли, вызвала удовлетворение. Чтобы я сейчас не сделал... у нее это будет впервые. Есть в этом нечто невероятное. Ее близость распаляет, и я чувствую, как мой «другок» в штанах крепчает. «Утомонись, тебе сегодня не обломится. Упал-успокоился!» мысленно говорю с членом, но он на меня явно забил. Ему нравится запах ее дыхания, легкая дрожь нежного тела и да, б*ядь, ее невинные огромные глаза.

А еще говорят, глаза не возбуждают, только голые сиськи, письки и жопа. Ни хера. Секс живет в глазах. Внутри, в голове. Он начинается во взгляде, и, если вас хотят, нет ничего более возбуждающего, чем взгляд девушки, когда она течет от вас. Только по взгляду я могу точно понять, насколько у нее влажно между ног.

Я не убрал руки, а она вся замерла и смотрит на меня, не шевелится.

– Ты, психолог, не трясись. Я просто обниму и согрею.

– Не надо.

Звучит очень неуверенно и потерянно. А меня как кипятком окатывает. Все мысли уже давно в штанах, пульсируют в налившихся яйцах и распирающем трусы члене. У меня встал на эту хромую малышку. Вот так просто. Без единого прикосновения. Только от запаха и взгляда. И это п*здец. Потому что меня начинает вести от похоти. И я вдруг понимаю, отчего меня настолько вставило. ЕЕ правильность. Ее скромность, как у сраной послушницы монастыря. От нее за версту несет святостью, и мой внутренний дьявол хочет разорвать эту чистоту.

Плевать на ее сопротивление. Я хочу до нее дотронуться, чтобы нас обоих так не трясло.

– Я просто обниму тебя, и все. Я не кусаюсь. Правда.

Резко привлек к себе и крепко обнял, прижимая к груди. Какое-то время она упирается руками мне в грудь, дергается, пытается вырваться, но когда чувствует, что я больше ничего не делаю, постепенно успокаивается. Стоим. Молча. Мои руки полностью обхватили ее тело, и ее шелковистые волосы щекочут мне запястья, потому что мои ладони сжимают ее спину. Я ее поглаживаю и растираю.

– Теплее? – спрашиваю очень тихо и чувствую, как она кивает. Распахиваю кардиган и обнимаю ее так, чтобы спрятать под теплой тканью.

Больше часа стоим вот так. Она успокоилась...насколько это возможно. Она да, а я, на хер, нет. Ее нежная беспомощность прет меня все больше. Прямо распирает. Сука, спаситель. И это только начало.

– Когда у тебя началось с наркотиками? – тихо спросила, а я дурею, ощущая, как ее щека касается моей груди. В том месте жжет так, что кожа сейчас, кажется, вспыхнет.

– Давно.

– Не хочешь говорить о себе, да?

– Психолог, давай сеансы будем проводить у тебя в кабинете.

Замолчала, а я не удержался и тронул ее волосы. Они у нее очень шелковистые, волнистые и ощущать их под пальцами – редчайшее удовольствие. Мне вдруг пришло в голову, что обычно я знакомился с телками после того, как хорошенько отодрал их и надавал в рот. Иногда они, измазанные моей спермой, говорили, как их зовут. Выходил и тут же забывал. А ее имя на языке вертится, и хочется сказать его вслух. Она немного напряжена, и я понимаю, что вот так стоять ей, возможно, непривычно, а еще черт его знает почему она хромая. И можно ли ей долго находиться в вертикальном положении. Надо ее усадить, и контакт будет теснее.

– Психолог, я сейчас сяду на пол, а ты ко мне на колени. Окей?

Отрицательно качает головой. Конечно, такие хер согласятся, чтоб на них даже просто дунули. Что за херня у тебя творится в голове, малышка? Не любишь себя, да? Будем это исправлять...обещаю.

Уселся на пол, облакачиваясь о стену кабинки, и ее вниз дернул так, что она почти упала на меня. От удивления охнула.

– Не надо. Я не хочу сидеть!

– Я тоже не хочу, но стоять до утра столько часов идиотская затея. Тем более на полу сиду я. А ты посидишь на мне. Я ж тебя не трахаться приглашаю.

Вспыхнула. Даже в полумраке знаю, что ее щеки зарделись и горят. Я бы многое отдал, чтобы увидеть, как они зарделись. Усадил к себе на колени, она сопротивляется, сдвигается куда-то вниз, а я намеренно приподнимаю и сажаю выше. Мой член упирается четко ей в ягодицы. Она чувствует и подрывается, но я твердо усаживаю обратно.

– Ты...

– Что? Называй вещи своими именами. Ты же у нас доктор.

– Я не доктор! – воскликнула и попыталась отодвинуться от моей эрекции. Я точно знаю, что она вся красная, я даже слышу, как тяжело она дышит. Б*ядь, когда я буду ее ласкать, я хочу слышать, как эта святоша кричит. И я заставлю ее не то что кричать. Она у меня плакать будет и кончать.

– Мне нравится называть тебя доктором, Диана. И да, у меня стоит на тебя. Это нормально, я мужчина, а ты красивая женщина, и ты сидишь на мне.

– Нет!

– Что нет? Ты не считаешь себя красивой, Диана?

Произнес ее имя и сжал талию обеими руками. Какая она тонкая, могу полностью обхватить ладонями. Последний раз такая талия была у телки, которая решила сделать из себя подобию Барби и удалила несколько пар ребер. Было ощущение, что я е*у трансформер.

Молчит. Где-то очень далеко скребутся какие-то б*ядские угрызения совести, но я шлю их на хер. Нет во мне благородства, и пожалеть слабого я не умею. С детства не приучен. Потому что жалость – это ублюдочное чувство.

– Не держи меня так. Я закричу.

– Как – так?

Спросил прямо на ушко, так, чтоб мое дыхание щекотало мочку. А еще совершенно игнорируя угрозу.

– Просто отпусти.

– Я не держу...

С придыханием, не сжимая, а поглаживая ее талию. Немного руки вверх и сожму маленькие грудки. От одной мысли об этом, член чуть не разорвало.

– Но могу держать! Вот так!

Сдавил за ребра и придвинул к себе так, что она упала мне на грудь. От неожиданности Диана всхлипнула. В голове вспыхивают картинки с тем, как она могла бы всхлипнуть, когда мой язык лизнет ее сосок. Они у нее, наверное, маленькие, розовые, как и мочки ушей. Ощущаю ее грудь. Она упругая, твердая, как у совсем молоденьких девочек. Сука, увижу и кончу. Именно такое ощущение. Мне оно не нравится. Я всегда прекрасно контролирую свое тело. Спускаю только тогда, когда сам себе разрешаю. Все под совершеннейшим моим контролем. А сейчас нет контроля. Я его теряю. Мне кажется, он ускользает к ней в руки.

– Не надо. Ты обещал...

Очень жалобно...но я уже ощущаю ее дрожь, ощущаю совершенно безошибочно всем своим нутром. Свободина поплыла. Она клюнула, и у нее не было ни малейшего шанса не клюнуть. От этой мысли меня самого рвет в куски.

– Что обещал? Что не изнасилую тебя? Так я вроде не на тебе, и мой член в штанах.

– Прекрати! – вскрикнула и принялась снова меня отталкивать, но я сломал сопротивление и прижал к себе снова.

– Что прекратить? Обнимать тебя?

– Да! – выпалила, и я усмехнулся. – И говорить вот это все!

– Я – парень, а ты – девушка. Что в этом противозастенственного?

– Просто прекрати. Мне это не интересно, понял?

– Неправда..., – шепчу ей на ухо, – интересно. Я чувствую тебя, понимаешь? Зачем обманываешь? Кто научил тебя лгать, маленький доктор?

– Я не лгу! Дима...

Она произнесла мое имя, и меня пи*дануло током. Так конкретно, что искры из глаз посыпались. Сукаааа. Мое имя не произносили несколько лет. Не помню, когда в последний раз его слышал. Но именно ее голосом оно прозвучало так ох*енно, что у меня мурашки рассыпались по всему телу. Я бы хотел, чтобы она выкрикнула мое имя, когда я войду в нее.

– Скажи мое имя еще раз...

Осеклась, упирается мне в грудь, чтобы наш контакт не был таким тесным. Все. Пора отпускать, а не то я, и правда, наброшусь на нее. А это совсем не то, что мне сейчас нужно. А она вдруг перестает упираться, и у меня инстинктивно выходит расплющить ее о себя. И губы утыкаются ей в висок. Ощущаю под ними ее волосы, и запах Свободиной сильнее врубает меня по всем рецепторам, сводя с ума до такой степени, что я сам готов застонать. Что это за херня происходит? С чем это связано? Почему меня так нереально плющит? Веду носом по ее виску, щеке, опускаясь ниже к шейке, прикрытой воротником гольфа. У нее очень нежная кожа, как у ребенка. Мне до адской дрожи хочется провести языком и попробовать на вкус. Она вдруг резко поднимает голову, и я встречаюсь с ее ошалевшим взглядом. Нас обоих простреливает. Я чувствую эту дрожь в унисон с моей. Даже дыхание звучит вместе рвано. И я читаю ее взгляд... потому что умею их читать. Пора выходить отсюда. Нажимаю кнопку у себя в кармане, включая

сотовый. Сейчас я отправлю сигнал СОС на сотовый знакомого, и свет врубится. А дальше на второй раунд, маленький психолог. Мы только начали играть.

Глава 4

Вы когда-нибудь видели, как падает под откос поезд? Как состав начинает набирать скорость и катиться вниз все быстрее и быстрее, а потом срывается с рельс и летит в пропасть, чтобы погresti под железными обломками все живое внутри себя, сплавить в одно целое? Он видел. Его собственная жизнь была похожа на этот поезд. Она так же набирала скорость, а потом полетела вниз в черную бездну.

© Ульяна Соболева. Подонок

– Ты куда?

– Провожая тебя.

– Не нужно. У меня нет топографического кренинизма, и я помню, где оставила свою машину.

Она очаровательно хромает, а я плетусь следом за ней. На ветру ее волосы развеваются и кажутся красивым светлым пшеничным облаком. И я все еще помню, как это облако пахнет. Она останавливается возле своей машины, достает ключи. Пока ищет их, зажимает щекой сотовый, который все же нашелся в недрах ее сумочки. Мне видно изгиб ее шеи, и я понимаю, что мне адски хочется облизать нежную кожу у мочки ушка, и когда я буду ее трахать, я сожму эту шейку одной ладонью и слегка придушу, чтоб ее оргазм был феерическим.

Открыла машину, пока я стою у своего байка и наблюдаю за ней. Кидает сумочку на второе сиденье. Садится за руль своей «тойоты камри». И опа...сюрприз – она не заводится. Пытается несколько раз. В отчаянии бьет кулачками по рулю.

А это второй раунд. И она его уже тоже проиграла. Ее сотовый сдох, «мой тоже». Так что такси она не вызовет.

Подхожу к ее тачке.

– Эй, психолог, помощь нужна?

– Нет...то есть, да. Представь себе, снова да. Кто-то сделал мою куклу вуду и явно забавляется с ней с самого утра.

– Открой капот.

Она шелкнула внизу рычажком, и я открыл капот, с деловым видом залез под него. Я-то знаю, что там происходит. И что она не заведется. Сам лично позаботился об этом. Кое-какие проводки разорвал.

– Черт его знает, что тут. Явно проблема с электрикой. Давай довезу домой.

– Нет!

Слишком резко и отчаянно. Хватает бутылку с водой и отпивает ее. Капли воды катятся по ее подбородку, и я понимаю, что ужасно хочу, чтобы вместо бутылки были мои губы или мой член. Сам не знаю, что со мной происходит. Никогда такой х*йни не было. Димон, это ты ее соблазняешь, а не она тебя. Это хромая Свободина. Дочка гребаного, е*учего Свободина, который оставил тебя без дома и без матери. Так что собери яйца в кулак и давай. Тебе ее трахнуть надо, а не любоваться капельками на ее подбородке. Трахнуть и кинуть. Просто как очередную шлюшку. Только эта девочка не шлюшка. Она чистая. Она кристальная, как эта капелька на ее остреньком подбородке, и черт меня раздери, если именно это не сводит сейчас с ума.

– То есть ты хочешь пешочком домой? Живешь за углом?

Домой ей пешком пару часов, а с ее проблемой и того дольше, если вообще сможет.

– Издеваешься?

– Нет. Предложил подвезти. Помочь хочу.

- Ты всегда такой добрый, или мне повезло?
- Тебе повезло. Так да или нет? Мне тоже здесь торчать не хочется.
- Хорошо, поехали.
- Конечно, хорошо.
- Куртку надень.

– Я... я без куртки. В машине тепло. Я обычно печку включаю. Куртку не взяла.

Снимаю кардиган и накидываю ей на плечи. Он на нее ужасно большой, и она в нем буквально утонула. А мне почему-то кажется, что это дико сексуально, и я хотел бы увидеть ее голую в своем кардигане. Сука, на моем байке верхом. Точнее, я на байке, она сверху, и мы адски трахаемся и орем от кайфа.

- Поехали.

Заскакиваю на байк, она осторожно садится сзади, отодвигается как можно дальше. Смеюсь. Явно впервые села на мот.

- Придвинься ближе и держись.

По бокам от себя вижу ее колени, юбку пришлось задрать, и от одной мысли о том, что она касается промежностью моей задницы, обжигает мошонку. Я готов поспорить, что на ней белые трусики. Робко держит за бока, я хватаю ее руки и кладу себе на грудь, буквально распластав ее по своей спине.

- Кажется, мы уже определились, что я не собираюсь тебя насиловать.

Рыкнул на нее и с ревом сорвал мот с места. Ощутил, как от испуга она впечаталась мне в спину, сжала мое тело, и от касания маленьких рук адреналин зашкалил с адской силой.

- Куда едем? – спросил, перекрикивая ветер.

- Антоновская, двадцать два.

- За Ривер Парком?

- Даааа.

- Крутой район!

Она ничего не ответила. Мчимся, а мне до безумия нравится чувствовать ее всем телом. Что там говорила Маман – трахнуть в первый же день. С ней не выйдет. Нужно поработать. Будет совсем непросто.

К дому доехали довольно быстро.

– Тормозни за углом. – крикнула она, и я резко остановился. Золотая девочка не хочет, чтоб ее увидели на байке с таким, как я. Слезла с байка, я следом. Снимает кардиган и притягивает мне.

- Спасибо...

Дернул за руку к себе.

- Не нравлюсь? – спросил нагло, приближая свое лицо к ее лицу.

- Что? – словно не поняла мой вопрос.

- Я тебе не нравлюсь, да, принцесса?

Молчит, только мягко прикрывает глаза своими длиннющими ресницами и снова открывает. В ее глазах удивление, они слегка блестят в свете фонарей, с неба срываются первые капли дождя.

Я перехватываю ее руки вместе со своим кардиганом и притягиваю девчонку к себе еще ближе. В воздухе начинает трещать электричество, от статики по коже ползут мурашки. Сука...никогда и ни на кого так не реагировал. Пробирает до костей.

- Ну так как? Не нравлюсь?

- Нет..., – отвечает тихо и очень неуверенно.

- Снова врешь, да?

- Нет...

Меня ведет от ее близости и запаха, от капель дождя на ее ресницах.

– Я хочу поцеловать тебя, психолог.

– Ннннет...

Звучит снова очень неуверенно, и я ее не целую. Я наклоняюсь к ее губам – в наномиллиметрах от них. Так, что чувствую, какие они горячие. Наш кипяток сливается в невидимую магму. Я склоняюсь так, будто сейчас поцелую ее. Мои губы приоткрываются. Я то приближаюсь, то отдаляюсь. Вот-вот коснусь. Ее рот приоткрылся, глаза полупьюные. Она готова. Она хочет, чтоб поцеловал. Я знаю. Я ощущаю всем своим телом. Тут же назад хриплым выдохом.

– Иди домой, психолог. Спокойной ночи.

Я никогда не знала и не понимала, что значит удар током. Было смешно, когда кто-то говорит об этом в ракурсе отношений с мужчинами.

Меня не било током. Ни разу за все девятнадцать лет, ни разу до сегодняшнего вечера. Пока не увидела его там. В плохо освещенной аудитории. Вошел, и все. Вот он, этот удар. По позвоночнику искрами, острыми шипами куда-то слева.

Там, кажется, живет сердце у людей.

Я посмотрела на него и...уже не смогла отвести взгляд. Заставила себя. Как будто меня физически что-то удерживало. Как будто какая-то невидимая сила, как огромный магнит с сильнейшим полем воздействия. И по всему телу прошла короткая волна дрожи.

Он идет какой-то невероятной пружинистой походкой. Как хищник, вальяжно и чинно. И у меня непониманием в голове «что он здесь делает?». Ты ведь не с ними, ты не такой, как они. Я их знаю и чувствую, а тебя нет. Ты не из этого мира.

Дима. Он сказал, что его зовут Дима. Самое обычное имя. Конечно, я слыхала его миллионы раз, конечно, никогда раньше мне не приходило в голову произнести его про себя еще и еще. А сейчас произношу. Уже несколько часов прошло после нашей встречи. Я не знаю, увижу ли его снова, и произношу его имя.

А там, при первом взгляде и при его первых словах в пропасть провалилась.

Я, как обычно, игнорирую. Спокойна, равнодушна. Эта тактика всегда работает. Ни капли раздражения, злости. Потому что злость заводит, она заставляет подумать, что внутри тебя родился страх, а хищники чувят его за версту. Так же, как такие девочки, как я, чувят очень плохих мальчиков. Нет, не отчаявшихся наркоманов, не заблудших и умирающих от одиночества подростков, которые рассказывают мне о своей жизни. А по-настоящему плохих...и нет в них ни в чем раскаяния. Не знаю, что он делает здесь среди этих ребят, но ему не место в этой группе.

И в моей жизни не место, а мне кажется, что он ее разорвал и втиснулся, ворвался в нее нагло. Это не вспышка. Нет. Это ядерное бесконечное освещение с дикой радиацией, впитывающейся в мои нервы.

А еще он почему-то все свое внимание обратил на меня. Нет, мне не лестно. Я знаю, что он разочаруется и очень скоро. Поэтому я разочарована еще задолго до него. Я никогда не отвечу на этот флирт, я никогда не стану строить глазки. Зачем? Как только пройду, весь азарт исчезнет, и герой-любовник сольется. Так бывало даже с теми, с кем я знакома по интернету и даже говорила о своем недостатке. ДА! Недостатке! И не надо мне говорить об особенностях, изюминке и остальной подобной хрени, которую так любят втирать те, на кого я учусь.

Не изюминка это и не особенность. Это то, чего нет у других, это то, что всегда оттолкнет, рассмешит, обратит на себя нездоровое внимание, и в нашей стране пока не научились относиться толерантно и никогда не научатся. А я к этому привыкла.

Я хромая. У меня одна нога короче другой. Намного короче. Это не исправит ничего, даже самая дорогая ортопедическая обувь, ни один врач даже при нашем уровне медицины. С атрофией нервных окончаний не в силах бороться никто. Не зря говорят «нервные клетки не восстанавливаются».

Когда иду к двери, почти злорадно усмехаюсь. Потому что точно знаю – он смотрит. Что? Все? Сдулся? А теперь давай иди на хер, парень. Беги на хер. Ты ведь сделаешь именно это.

И... впервые ошибаюсь, потому что он идет за мной. В лифт. В проклятый лифт, который застревает на черт знает каком этаже, без света... рядом с ним.

А потом начинается сюр. Это осознание, что я знаю человека всего лишь час. ЧАС! Но внутри нарастает ощущение, что знала всю жизнь, и мне оно не нравится, меня оно пугает до паники, заставляет покрыться мелкими мурашками.

Когда его красивое, можно сказать, идеальное лицо приближается к моему, я уже не умею дышать и моргать. Потому что никогда не видела таких красивых лиц. Он похож на актера, на Элвиса Пресли. За исключением волос. Они короткие и модно пострижены. Почти под ноль по бокам и с длинноватой челкой, падающей на гладкий красивый лоб. У него невероятные серые глаза, невероятные ресницы, ровный нос и настолько красивые губы, что от них кружится голова.

Мы так близко, что я чувствую его дыхание. Мне пахнет никотином, пахнет его парфюмом и мужским терпким запахом, от которого подгибаются колени.

Что происходит с моим сердцем, я не знаю. Оно больше не сердце. Оно бьется так сильно, словно внутри меня колокола, и они гремят набатом. Я хочу, чтобы это прекратилось. Я хочу перестать так дрожать.

И это выражение его лица. Никогда раньше такого не видела. Он напоминает мне голодного зверя. И добыча, к которой он испытывает голод – это я. Со мной такого никогда не было. Мужчины на меня ТАК не смотрели. Освещение в лифте тусклое, и мне видно, как сверкают его глаза, как они сосредоточены на мне. Он же видел... он знает. Почему он смотрит так, будто не заметил. Что с ним не так?

Дышит часто, громко. Как будто мы пробежались вместе, потому что я тоже дышу беспокойно, и мне становится страшно... Страшно, что он набросится на меня, и еще страшнее, что я не смогу его остановить. Хуже. Я не захочу его остановить.

Божееее! Он ведь, и правда, ничего со мной не делает. И с ним рядом не просто тепло, а горячо, и меня всю обдаёт жаром. Господи, неужели я позволяю ему себя обнимать. Что скажет папа? Если бы он знал, что меня вот так кто-то трогал.

Я понимаю, что я в опасности, что сейчас происходит нечто порочное, и словно сам Сатана искушает меня. Слышу, как потрескивает вокруг воздух. Я реально это слышу, и удар током уже совсем ни о чем. Я совершенно подключена к нему, вся, полностью. Меня этим током уже пронизывает насквозь. Я сама и есть ток.

Ко мне еще вот так не прикасались, я не сидела на коленях у мужчины, меня не трогали, мои волосы не вдыхали и... меня даже не целовали. Когда вы ходите, как утка, без одной ноги, никто не испытывает желания восхититься вашими глазами или глубоким и богатым внутренним миром.

В школе меня называли Хромая. Никто даже не помнил моего имени. Да, это была частная, крутая школа, где учились дети власть имущих. Надо мной не издевались, но и не торопились общаться, заводить дружбу и приглашать куда-то. Чуть позже в старших классах меня начали называть Хромая святоша. Все знали о религиозности моей матери и о том, что отец отстроил все церкви в нашем городе. А по воскресеньям я хожу на службу. Это вызывало смех. Кто в наше время ходит в церковь.

Пока ехала с ним сзади на моте, чувствуя всем своим телом мощную спину, прижимаясь ладонями к его груди, мне казалось, что я и не я вовсе. Что мы оба в виртуальной реальности.

Не в этой. Со мной ведь такого не может происходить. Я – Свободина, хромоножка. Дочка мэра. Тихоня, святоша.

Я не могу вот так сжимать ладонями мужской торс и прижиматься щекой к спине. Мои бедра касаются его ног, юбка неприлично задралась, и видны колени.

Сейчас я проснусь. Мне все это снится. Это не я...

Наклоняется ко мне, и сейчас произойдет прикосновение. Ведь я знаю, что он хочет сделать. Я знаю, и сама не могу удержаться и смотрю на его невероятные губы, смотрю на его глаза и снова на манящий и приоткрытый рот. Меня никогда не целовали... святоша не знает, что такое поцелуи, святоша вообще ничего не знает и... как же это ужасно, но она хочет, чтоб ее поцеловали. Впервые. Этот Элвис Пресли по имени Дима. От которого пахнет ветром, пороком и искушением. От него пахнет самым дьяволом.

Глава 5

В нем была какая-то зверская, примитивная привлекательность. Хищная, ядовито-сексуальная, вызывающая, харизматичная внешность. Торчащие в вечном беспорядке черные волосы, толстые брови, раскосые глаза, высокие, широкие скулы и большой, чувственный рот.

У него красивое тело. Юное, мужественное, поджарое. С стальными мышцами, выделяющимся прессом. Почти безволосая грудь и тонкая полоска от пупка под широкий кожаный ремень, чуть ниже под шириной внушительная выпуклость.

И взгляд. Волчий, дикий, необузданный. Пробирает до костей. Когда руками своими сгреб меня, сдавил, выдыхая мне в лицо. По всему телу дрожь прошла. И, нет, не отворачивания. А незнакомая, будоражащая, огненная волна зацепила соски, скатилась к низу живота и разлилась истомой в промежности. От неожиданности я оторопела. Мне захотелось его ударить, сделать ему больно. Чтобы отрезветь... я ведь не могу к этому мальчишке вот так. Не могу ощущать...возбуждение? Он противен, он ненавистен ...он...

(с) Ульяна Соболева. Поденок

Кап. Кап. Кап. Капает вода где-то далеко в кране. Я иду медленно на этот звук. Мне почему-то очень страшно. У меня одна нога стучит гипсом, зубы тоже стучат.

– Лена!

Не громко, но довольно слышно, и мой голос разносится эхом по огромному пустому дому. Где-то мяукнула наша кошка и прыгнула за тумбочку. Я успела увидеть пушистый хвост Рыськи. Странно. Не встретила меня, а наоборот, чего-то испугалась и сбежала.

– Лен!

Иду по ступенькам вверх. Мне тяжело, я держусь за перила, подтягиваю все тело, костыли остались внизу. Десять ступенек кажутся вечностью.

Кап. Кап. Кап.

Сквозняком открыло окно в пролете, и шторка взметнулась к моему лицу. Отдвигаю ее, чуть ли не падая на ступеньках, пытаюсь удержаться, гипс скользит по мрамору.

– Ленаааа! – кричу уже громко. Сестра не могла не услышать. Почему она не выходит? Она же знает, что пора ужинать, и родители приедут не скоро. Наконец-то добралась до верхней ступеньки, хватаюсь за стену и медленно иду на звук. Кто-то не закрутил кран до конца. Вода капает, и этот звук раздражающе громкий. Дверь в ванну приоткрыта.

– Лен..., – почти шепотом у самой двери.

Нога едет по мокрому полу, я падаю спиной в лужу, из ванны перетекает вода на пол...и свисает рука. С указательного пальца ярко-алая капля медленно срывается и падает в лужу, исчезает в ней, расходясь в стороны розовыми кругами.

– Диана!

Вскакиваю вся мокрая от пота, тяжело дыша, захлебываясь буквально каждым вдохом.

– Уже поздно, а папа не любит долго ждать. Ему нужно скоро уехать.

Мама вбегает в комнату, раздвигает шторы.

– Какой красивый солнечный день. Смотри, и небо ясное. Началось Бабье Лето. Будет жарко несколько дней. В воскресенье ходим в церковь и поедем на пикник с Шороховыми. Они купили дом возле заповедника и приглашают нас на новоселье. Назар тоже там будет.

ЕЕ голос врывается в мой пылающий от ночного кошмара мозг и заставляет проснуться окончательно.

- Доброе утро, мама. Я хотела в воскресенье сделать важную работу по психологии.
- Ты и так отличница. Так что наверстаешь. А Назар приехал из-за границы, и мы хотим, чтобы ты с ним встретилась.

Тряхнула головой, чтобы больше не слышать мерзкое «кап-кап-кап». Оно еще звучит где-то очень далеко. В комнате светло, пахнет осенью из приоткрытого окна. Мама любовно гладит фиалки на подоконнике.

- Не думала, что ты будешь за ними следить.
- Как видишь, слежу.
- Давай, просыпайся. Папа уже в столовой с утренней газетой ждет тебя.

Гаджеты это не про папу. Ему неизменно привозили свежую газету. Слуги их гладили, чтоб краска не отпечатывалась на отцовских пальцах. Честно говоря, она уже давно не оставляет следов. Сейчас не восьмидесятые, но слуги были так приучены.

Фух. Как хорошо, что уже утро. Давно не видела этот кошмар. Кажется, несколько месяцев. Даже понадеялась, что он больше мне не приснится. Но как говорит мой психолог, любой стресс может спровоцировать панические атаки и кошмары, и тогда нужно будет вернуться к антидепрессантам и нейролептикам. Чего мне ужасно не хотелось. Притом стрессы любого рода. Даже положительные. Нет...это всего лишь один раз. Больше не повторится. Я давно с этим справилась, я сильная, я выросла. У меня теперь у самой есть почти пациенты.

– Хорошо, мам. Я быстро. Сейчас умоюсь, приму душ и спущусь. Пусть Рита приготовит яичницу с беконом и плавленым сыром. Свежий огурец без соли и кофе. Латте без сахара.

- Уверена, она помнит.
- Вчера мне положили сахар.
- У нас новая обслуга. Вчера был как раз ее первый день. Сегодня Рита.
- Хорошо.
- У тебя все хорошо? Ты вся бледная.
- Все хорошо, правда. Я просто...просто устала.
- Что с машиной? Папа говорил, что машину пришлось везти в ремонт.
- Да. Что-то сломалось. Я в этом не разбираюсь.
- Кто привез тебя домой?
- Такси.

Быстро ответила я и встала с постели, поправляя пижамные шорты и направляясь в ванную комнату.

- Не помню, чтоб возле дома останавливалась машина.
- Я попросила высадить меня раньше и прошла пешком. Все, мам, я включаю воду и не услышу тебя.

У самой горят щеки. Не умею врать. Когда вру, кажется, что все тело покрывается красными пятнами, которые жгут и чешутся.

- Сегодня годовщина...
- Тихо говорит мама в приоткрытую дверь ванной.
- Я помню.
- Отвечаю ей так же тихо.
- Отец не хочет устраивать поминки...но я купила конфеты. Помяни, хорошо?
- Помяну.

Отвечаю и чувствую, как мурашки пробегают по коже. Почему-то именно сейчас мне не хочется лезть под воду и мыться. Но я заставляю себя встать под струи и поднять вверх лицо, намочив волосы и выдавливая мыло на ладони.

- Это «Антошка», как она любила.
- Хорошо, мам.

Дверь закрылась, и я выдохнула, позволяя воде стекать по своему телу, по лицу, волосам.

Спустилась вниз по лестнице. Вместо семейных фото на стенах теперь картины. Уже много лет здесь не висят наши портреты. Так хочет папа. А папино мнение здесь закон. Вообще любое его решение закон. Я знаю, что как только войду в столовую, он осмотрит меня критическим взглядом, а потом опустит глаза в газету, в его руке будет маленькая чашка кофе. Рядом с обручальным кольцом блеснет печатка.

– Доброе утро, папа.

Не посмотрел. Продолжает читать газету.

– Здравствуй, дочь. С каких пор ты себе позволяешь опаздывать к завтраку?

– Я не опаздываю. Сейчас восемь.

– Сейчас десять минут девятого.

Отчеканивает каждое слово.

– Опозданием считается пятнадцать минут.

– У меня опозданием считается даже минута. Пунктуальность – это самое лучшее и полезное качество в человеке. Без пунктуальности не существовало бы этой вселенной. Мы бы погрязли в хаосе.

Все же оторвался от газеты и посмотрел на меня.

– Зачем ты покрасила губы?

– Я в университете, папа. На втором курсе. Не в школе.

– Краска на лице – это распутство. Это способ соблазнять мужиков!

Медленно выдохнула.

– Мне девятнадцать. Я имею пра...

Кулаком по столу так, что мама подпрыгнула, звякнули чашки и тарелка подскочила.

– Не имеешь! Пока живешь в этом доме! Пока ешь за мой счет, носишь купленное мной, ездишь на моей машине! Не имеешь! Мне хватило одной шлюхи в этом доме! Вторую я не потерплю! Вытерла губы и села за стол!

Мама заботливо подала мне салфетку. И я быстро и резко вытерла блеск с губ, села за стол, уставилась в свою чашку. Скорей бы закончить учиться и начать работать...

– В воскресенье поедem к Шороховым. Я хочу, чтобы ты пообщалась с Назаром. Его отец продвигает мою предвыборную кампанию по региону. Он генерал.

– Да... Назар отучился несколько лет в Англии. В Оксфорде. Он юрист по образованию и начинает работать в компании отца. Ты же помнишь его? Когда-то он приходил к нам в гости.

Мама пытается смягчить обстановку, но меня трясет, и я не могу есть.

– Простите, мне сегодня нужно раньше в универ. Я поем потом.

Встала из-за стола и, быстро хромя, вышла из столовой.

– Альберт отвезет тебя, дорогая. На моей машине.

– Хорошо.

Выдохнула, поздоровалась с водителем и села на заднее сиденье. Наконец-то добралась до своего сотового и... остоленела. Куча уведомлений из мегаграмм. Социальной сети. Кто-то лайкал мои фотографии. Так же написал мне сообщение. Зашла в соцсеть, открыла мессенджер и судорожно глотнула воздух.

– Привет, психолог. Тебя подвезти? Или ты на карете?

– Я в карете.

Ответила и сжала сотовый двумя руками. Мне никогда и никто не писал в мегаграмм. Это не то место, где жалуют и лайкают таких, как я. Украдкой зашла на его страницу, чтоб ненароком ничего не нажать, не лайкнуть, не просмотреть. Профиль полупустой, словно создан не так давно. Всего три-четыре фотки. Мне это понравилось... Значит не из этих, кто целыми

днями снимает истории, цепляет девочек и переписывается с половиной Вселенной. «Привет, детка, у тебя классная попка». Или как они там пишут.

Почему-то не могу представить себе, что Дима... Чееерт... я трясусь от того, как звучит его имя. Димааа. Дима не пишет таких сообщений.

День проходит как во сне. Потому что он пишет. Потому что он нагло продолжает мне писать, и это не кончается. Вначале я не отвечаю. Вначале я просто читаю уведомления и даже не захожу в диалог. Зачем? Не хочу, чтобы он понял, что я жадно жду каждое.

– Эй! Психолог. Не делай вид, что не читаешь. Я все вижу!

Вздрагиваю, и по телу проходит электрический ток.

Он стоит в нескольких метрах от меня. Машет рукой. Божеее. Сейчас на нем нет кардигана с капюшоном. Он в темном свитере с подтянутыми рукавами, в джинсах, с непослушной шевелюрой, разметающейся в беспорядке в разные стороны. Его темно-русые волосы блестят, а издалека глаза кажутся небесно-светлыми. Перепрыгнул через скамейку и приближается ко мне.

Где-то неподалёку слышу:

– Реально? Этот красавчик идет к ней, к хромой? Он обдолбанный?

– Надя, он просто извращенец. Забей!

– Я вчера ему дала свой мегаст, он не зашел... придурок.

Бросила взгляд в сторону и заметила двух однокурсниц. Надя Кукла и ее подружка Валерия Лол. Они, и правда, как куклы и одеты, и причесаны, и губы у них одинаковые. У одного мастера надували. Меня не задело. Хромой называют с детства. Привыкла. Да и кто обижается на правду.

– Психолог, ты можешь зайти в чат и спокойно читать моим смски там.

Запрыгивает на парапет возле здания спортзала и садится рядом. От него пахнет свежестью, сигаретами и ветром. Да... соленым, морским ветром. Я бы так и назвала его – Ветер. Мимолетный, исчезающий, быстрый и... и такой прозрачно неправдоподобный.

– С чего ты решил, что я их читаю?

– Видел. Они приходят, ты сразу смотришь на дисплей.

– Не приходят. Я отключила уведомления.

Секунда, и он выхватил мой сотовый.

– Ай-йй-йй, а ведь я говорил, что врать нехорошо, доктор.

– Я не доктор. Отдай телефон!

Смотрит на экран, листает уведомления.

– Кто такой Ростик?

– ОТДАЙ! – закричала и вырвала сотовый из его рук. – Не твое дело!

– Если мне это интересно, значит мое.

– МНЕ! Не интересно! Ты не интересен! Зачем тебе все это?

– Ты мне нравишься!

Говорит нагло и смотрит прямо в глаза, а меня буквально уносит от его взгляда, от того, насколько близко я вижу его красивые сине-серые глаза. Они не просто серые, они отливают серебром, и от этого кажутся такими светлыми, металлическими или ртутными, а я от них раскаляюсь, и мне становится нечем дышать.

– А ты мне нет! Мне не нравятся такие, как ты!

– Какие такие? – спрашивает и усмехается уголком своего грешного рта, а мне хочется зажмуриться, чтоб он вот так не смотрел и вот так не улыбался мне.

– Наглые и самоуверенные?

– А Ростик – неуверенный в себе лох? Поэтому ты отвечала на его сообщения?

Встала и пошла прочь, ничего ему не объясняя, услышала, как спрыгнул, и почувствовала, как идет следом. Потом забежал впереди меня. Ко мне лицом, спиной к дороге.

– Психолог, вот скажи мне, ты ж разбираешься в людях, да? Читаешь им умные лекции, копаешься в их мозгах. Так зачем я здесь?

– Не знаю. Может, ты так самоутверждаешься.

Он вдруг сделал шаг в сторону, и я почти натолкнулась на него. От неожиданности оступилась, и он поймал меня за талию.

– Запомни... доктор, мне не нужно самоутверждаться, я тверд во всех местах по первому щелчку. – сказал, и в глазах сверкнули черти, а я мгновенно вспыхнула и хотела оттолкнуть его, но под ладонями, и правда, твердое тело, перекачивающиеся мышцы, и адреналин взвился в венах и запенился.

– Что тебе нужно?

– Ты!

Сказал очень нагло, и у меня дух захватило, потому что я никогда и никому не была нужна.

– Так кто такой Ростик... скажи, и я отстану.

– Точно отстанешь?

Спросила и усмехнулась.

– Б*яядь, ты п*здец какая красивая, когда улыбаешься.

– Лжец!

Толкнула его в грудь.

– Нет. Посмотри в зеркало, малышка.

Это было не просто приятно, это было так... словно мне в сердце загнали занозы со сладким нектаром, и он растекается патокой по всему телу.

– Так кто он такой?

– И ты уйдешь и оставишь меня в покое?

– Сейчас – да.

Мне понравился ответ про только сейчас. Где-то в затылке заныло и пришла мысль, что так нельзя, и я не должна улыбаться, я не должна играть в его игры и вообще даже с ним разговаривать. Он плохой. Он очень плохой парень. И я это чувствую всем своим существом. Он не просто порочен, он даже порочно взмахивает ресницами. В нем все порочно идеально.

– Ростик – мой реабилитолог. А теперь отойди.

– Реабилитолог – это массажист? Тот, кто лапает тебя?

– Божее! Ты обещал уйти! И ты сказал, что ты не лжец!

– Хорошо! Ухожу! Увидимся позже!

Нет! Не увидимся. Я уйду раньше, я сожру свой сотовый, я просто заболею и не приду в универ... Господи.

– Свободина, что с тобой? – навстречу вышла Лиза – моя подруга, и я облегченно выдохнула. – Ты это с кем сейчас болтала? Что за красавчик?

– Дима... Фамилию не знаю. Вчера был на занятиях в моей вечерней группе. Потом мы застряли в лифте.

– Оооо... да ты вся горишь, и глаза блестят.

– Перестань.

– Что-то уже вчера было?

– Кошмар! Ты что! Мы только познакомились!

– Ну и что. Мы живем в современном мире, детка. Секс без обязательств... Ах, да, я забыла, что тебя каждый месяц водят на проверки.

– Лиза! – я оттолкнула ее и прошла вперед, прижимая к груди папки с личными делами своих «пациентов»

– Я бы уже давно от них свалила. Ты совершеннолетняя. Ты имеешь полное право.

– Лиза...куда? К кому? Перестань. Мы уже говорили об этом. Мне никуда не деться от отца. Он найдет меня и будет еще хуже.

Глава 6

Михайлина толкнула его на стул и он послушно уселся, глядя как она в уютном домашнем платье стоит в дверях, руки подняла, волосы закалывает, а Демьян взглядом скользнул по высокой груди под цветастой тканью и судорожно сглотнул.

Девушка развернулась к шкафчикам, открыла один из них, стала на носочки, потянулась вверх, пальцы почти достали до пластиковой коробки. Инстинктивно встал со стула и легко достал коробку. Михайлина развернулась, и они вдвоем замерли, за коробку держатся. И он на мгновение сдох в ее глазах. Забарахтался жалко на их дне, цепляясь за темно синие разводы, пытаюсь вынырнуть и почему-то не мог. Потому что у нее матовая сливочная кожа, потому что ее губы вблизи нежно розовые, а ресницы на кончиках светло-рыжие. И баиньку сносит. Срывает к такой-то матери. Хочется ее. Кусочек. Один глоток. Просто тронуть кончиком языка. Узнать какая она на вкус...мечта. Чужая.

(с) Ульяна Соболева. Поддон

Мы с матерью жили паршиво. Нет, не так, чтоб от зарплаты до зарплаты, а по-настоящему паршиво. Она работала уборщицей и снимала комнату у своей начальницы. Ту звали тетя Валя. Она владела клининговой компанией и платила таким, как моя мать, десять процентов от заработка. Нет, сама бы мама не нашла работу. Ее нигде не брали с ребенком, мать одиночку без образования, приехавшую из какого-то Мухосранска в столицу учиться.

Отец... а черт его знает, кем он был. Мать про него не рассказывала, а я не спрашивал. Зачем? Байки о том, что он военный и погиб при исполнении, меня бы не устроили. Я был тем, кому лапшу на уши не повесишь. А рассказывать о том, что она его любила, а он ее бросил...ну такое. Мама была очень скупой на разговоры, ласки и не стремилась меня умаслить сказками.

Позже я узнал, что ее трахнул какой-то ублюдок-мажорик. Она понадеялась, что он примет ребенка, но ее и на порог его дома не пустили. Из общежития выгнали, учебу она бросила.

Я рос в суровой реальности, и когда к ней приходили мужики, а они периодически случались, они не стеснялись скрипеть кроватью и выкрикивать всякие пошлости. Иногда дверь оставалась открытой. Смотрел ли я? Да, пару раз смотрел. Потом блевал в унитаз. Потом ревел и хотел убить мужика, который причинял маме боль...Потом узнал, чем именно они занимаются и...ничего. Просто принял, как часть жизни. Собаки е*утся, кошки и люди тоже. Мама человек, как бы это прискорбно ни было в данном ракурсе. Она не святая, и вообще святых не бывает.

От того, что они делают там у нее в спальне, появляются дети. Дети появляются, а мужики исчезают. Я помню, как мать бегала в туалет и ее тошнило по утрам.

– Мы так не договаривались! – шипела на нее тетя Валя и потряхивала своей рыжей шевелюрой с мелкими кудряшками, – Мне еще один выб*ядок не нужен. Я тебя взяла с одним. Притянешь еще одного, орать будет, работать ты не сможешь. Я тебя выгоню, на хрен! Или в опеку стукну, и отберут обоих. Думаешь, я не знаю, как ты прикладываешься к бутылке?

Это знали все. И я тоже. Но...я прощал маме все. И спиртное в том числе. Потому что пьяная она становилась добрее. Она звала меня к себе, сажала на колени и рассказывала про свое детство, про бабушку, которую сбила машина, про деда, вернувшегося с войны одноногим и пережившего бабушку всего на пару месяцев. Она даже пела мне песни. У нее был красивый голос...когда-то ей пророчили будущее певицы, но...не повезло.

– Так...сроки уже. К кому я пойду, да и денег таких нет.

– Вот...Ей позвони и сходи. Бутылку я дам. И не смей меня обманывать. Завтра же вылептишь на улицу и ты, и выродок твой. Сделаю так, что никто на работу не возьмет.

– Так сроки уже...

– Сама виновата! Думать надо было. Пацан у тебя есть. На херувимчика похож. Красавец. Кукленок, а не пацан. Такая красота...редко встретишь. Вырастет, сам тебе деньги таскать будет.

После разговора с Валею мать пропала на сутки, а когда появилась, то на четвереньках поднялась по ступеням и упала в коридоре. Ее ляжки были залиты кровью, и сама она походила на смерть.

Аборт ей сделала какая-то бабка за бутылку самогона. Сделала так, что мать чуть не умерла. Дня два я ухаживал за ней полумертвой, выносил тряпки с кровью и сгустками, и кусками мяса, поил водой, варил бульончики, а потом она уснула и никак не просыпалась. Я побежал к соседям и вызвал скорую. Мать забрали, и ее очень долго не было дома.

Меня тогда кормила тетя Валя. Мадам лет сорока пяти с торчащими в разные стороны рыжими волосами, рыбьими глазами и рыхлым телом с ямочками. Телом, которое она любила выставлять напоказ. Свои жирные сиськи, ляжки, красить губы ярко-красным. Она жила в роскошном доме рядом с нашим однокомнатным сараем. Роскошным для меня по тем меркам.

– Херувимчик...Какой же ты. И реснички, и глазки, – а сама языком губы свои облизывает, – иди покормлю, пока мамки нет. Вареничков отварила со сметанкой. Иди.

Когда мать вернулась, бутылка в ее руках начала появляться намного чаще, чем раньше. Однажды она посадила меня перед собой пьяная, шатающаяся на перекошенном стуле.

– Я ведь хотела...того ребенка. Я даже перестала пить. Срок большой был. Шестой месяц. Упустила. Жизнь у меня такая. Днем поликлиника, вечером ресторан, в пятницу и субботу дома. Некогда следить. Подумала, в деревню уедем все вдвоем. Рожу, государство денег даст, и уедем. Там попробую что-то найти. Я и на тракторе могу, и дояркой. Только продержаться бы, дожидаться родов, немного подсобрать. А она...сука рыжая. Она меня за горло взяла. Сестра у тебя могла быть...живая родилась. А теперь никого и никогда. Пустая я. Дырка внутри. Все вырезали.

– У тебя есть я...

– До поры до времени. Вырастешь и свалишь, как все мужики... а девочка, она бы со мной была.

Когда мне было тринадцать, Валя позвала меня к себе в дом. Угостила чаем, шоколадом и налила виски. Тогда она рассказала мне, что моя мать проворовалась и украла у одной из врачей деньги из кармана халата. Вычтет она эту сумму из зарплаты...НО...тогда моя мать не сможет заплатить за квартиру. А однокомнатная нужна всем, особенно в столице, и отдать она ее может в три раза дороже.

– И как же быть? – спросил я.

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать.

– Нормально. Пошли.

И поманила меня к себе в комнату....

За долги я расплачивался пару раз в неделю после уроков, когда матери дома не было. Потом шел в душ, долго мылся, терся мочалкой...первое время блевал, тер язык зубной щеткой, засовывал пальцы поглубже в горло, чтобы очиститься. Мне повсюду воняло мерзким запахом рыхлого тела тети Вали.

Однажды она позвала меня к себе...и оказалась там не одна, а с каким-то мужиком. Я ходил на бокс, в школе. Хорошо ходил, прилежно. Был лучшим. Поэтому мужику я сломал нос и одно ребро. А через день спалил дом тети Вали.

– Иуда! Сукин сын! Я ж тебя кормила ублюдка! Сволочь!

Орала, захлебываясь слюнями и соплями рыжая Валя, а я смотрел, как горит крыша ее дома, и представлял, что точно так же могла бы гореть ее волосатая рыжая вагина.

И нет, она не пойдет в полицию. Потому что тогда ей светит срок. За меня тринадцатилетнего.

Нас с матерью выгнали, и тогда я пошел искать работу на вокзале...

– Вторая серия будет в другой раз, психолог. Ну так как, я остаюсь в твоей секте? Или мне уйти?

Девчонка судорожно глотнула воздух и опустила взгляд.

– Оставайся.

Уже все ушли. Посиделки анонимного клуба наркоманов закончились. Я успел все это рассказать, удерживая принцессу в косяке двери. Она как раз собиралась меня выгнать. Но ведь в рукаве у Иуды много козырей, и проклятое прошлое один из них. Настоящее прошлое. Почему-то ей я рассказал правду. Ту, что никогда в жизни не рассказывал.

И вдруг тронула мою щеку.

Это случается внезапно. Он вдруг хватает меня за талию и вдавливая в косяк двери. Из глаз рассыпью феерически летят разноцветные искры. Потому что одно его прикосновение, и меня просто разрывает на части.

– Пожалуйста...

Выходит очень неубедительно и очень жалко. Мне кажется, мой голос мне незнаком... он звучит иначе. В нем есть нотки придыхания. Как будто я прошу его не остановиться, а наоборот НЕ останавливаться. Так ведь не бывает, правда? Не бывает, и мне кажется, что этот до безумия красивый парень... хочет МЕНЯ. Убогую, хромую... Зачем?

– Прогони меня еще раз, доктор. Давай. Может быть, в этот раз я уйду. Скажи – пошел вон... Я привык.

О боже. Наши тела, наши лица, еще немного, и я коснусь его щеки своей щекой. Мне кажется, от этого прикосновения произойдет взрыв, и я сойду с ума. Еще никогда мужчина не находился настолько близко ко мне. Никогда. Взгляд опускается к его губам... в тот прошлый раз я ждала. Я хотела, чтоб он меня поцеловал. Я даже потом представляла себе, как именно это может произойти. Мои губы приоткрываются, и их начинает покалывать. Так не должно быть. Мне нужно бежать. Это... это нечто дьявольское, дикое. Нормальные люди такого не чувствуют.

Потому что с моих губ срывается легкий выдох, и Дима наклоняется ко мне, приоткрывая рот. Он слишком близко, он в миллиметрах от меня и... я вдруг понимаю, что если прогоню его, то разорвусь от отчаянного разочарования. Его язык пробегается по губам, и меня в ответ пронизывает током. Вязко, порочно, от живота вниз, к паху, туда... между ног, отзываясь где-то в промежности резкой конвульсией, незнакомой и такой пугающей.

Все, я должна это прекратить прямо сейчас. Немедленно. Должна остановить. Иначе произойдет что-то страшное. Что-то, что мне нельзя. Только прекращать не хочется, прекращать нет сил. Потому что я хочу еще и еще ощущать эту адскую дрожь предвкушения в своем теле.

Это мучительное искушение, похожее на самую изощренную пытку, на самый безумный и фантастический соблазн. Меня парализует.

– Ты... такая красивая, маленькая доктор.

Шепчут эти губы, и ладонь ложится мне на затылок, притягивая к себе, ломая расстояние, сжигая наномиллиметры, круша их своей властной, мрачной силой притяжения. Я больше не я. Не могу... не хочу... не буду. Мне надо. Мне его до боли в груди надо. Я умру, если отстранюсь. Мои веки слегка прикрываются, и я выдыхаю свое стыдливое нетерпение ему в рот, и

это происходит. Горячий, жадный мужской рот накрывает мои губы. Впервые в жизни. И нет ничего, что может с этим сравниться, меня не просто бьет током, меня пронизывает тысячами молний, меня сотрясает от этого касания, и я зависаю в секунде от сладкой смерти.

Его запах, его дыхание врываются в легкие. Боже, что я творю. Надо закричать, надо оттолкнуть, прекратить, остановить...неееет...только не останавливать. Потому что эти губы творят нечто безумное. Они теплые, влажные, мягкие. Они сминают мой рот. Они давят на него, они сосут мои губы, и его язык проникает внутрь, ударяясь о мой язык. Толкаясь в него, потираясь по бокам и оплетая с такой властностью, что у меня темнеет перед глазами, и я готова закричать, заплакать от переполняющих эмоций.

Пути назад больше нет. На моих губах клеймо от его губ. Он испачкал, он поставил на мне печать. Может быть, для кого-то это просто поцелуй...для меня, которой никогда не касался мужчина, это уже секс, это уже падение в пропасть, это полет в бездну на бешеной скорости прямо вниз в магму греха.

Мои руки впиваются в его куртку, сжимают ее пятернями. Нет...не чтобы оттолкнуть, а чтобы притянуть к себе еще сильнее, вжать в себя, вдавить и ощутить еще глубже этот порок.

И нет в этом поцелуе хрупкости, нежности. Меня захватывает, поработывает, унижает своей силой его рот. Он дикий, голодный, безумный. Он терзает и сминает, сосет, трется, кусает. И это нападение бесконечно сильное, стремительно быстрое. Мы напоминаем мне зверей, которые вцепились друг в друга и жрут до крови. Я отвечаю. Это происходит инстинктивно...боже, во мне живет эта похоть, я такая же порочная и ненормальная.

Я слышу и чувствую его стоны, и они снова отзываются во мне сладкими судорогами.

«Поцелуй...это не секс» пульсирует в голове, но я понимаю, что не этот. Меня берут. Мой рот именно берут, им овладевают. Не изучают, не трогают, а жрут. В полном смысле этого слова. И есть в этом нечто запредельно отчаянное, сумасшедшее. Меня всю трясет, и я слышу, что стону ему в унисон, понимаю, что мой язык бьется о его так бессовестно смело, так нагло и бесстыже, что вся кровь приливает к моим щекам и не только. Она приливает к соскам, к промежности. Там дергает и пульсирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.